

PAUL GALLICO

MRS HARRIS
GOES TO PARIS

&

MRS HARRIS
GOES TO NEW YORK

Пол Гэлликко

МИССИС ХАРРИС
ЕДЕТ В ПАРИЖ

МИССИС ХАРРИС
ЕДЕТ В НЬЮ-ЙОРК

Перевод Павла Вязникова

Москва
2024

УДК 82-3
ББК 84
Г79

Дизайн обложки
Наталии Михалычевой и Александры Орландини

Гэллико, Пол.

Г79 Миссис Харрис едет в Париж / Миссис Харрис едет в Нью-Йорк / [пер. с англ. Вязников П. А.; авт. предисл. Борисенко А. Л.]. — Москва : Лайвбук, 2024. — 432 с.
ISBN 978-5-907784-03-1

Под одной обложкой две очаровательные винтажные комедии про миссис Харрис. Это неутомимая лондонская уборщица с большим сердцем и безграничной фантазией. Всегда добрая, обаятельная, отважная миссис Харрис штурмует города, ввязываясь в самые отчаянные приключения.

В первой истории она едет в Париж, чтобы добыть платье своей мечты от Диора. Пусть все говорят, что такие платья не положены уборщицам, она-то знает: она его достойна!

Во второй истории миссис Харрис отправляется за океан, в Нью-Йорк, чтобы найти знакомому мальчику давно потерянного отца. Величайшей удачей ее будет привязанность людей, которые всегда готовы протянуть руку помощи. Уж кому, как не миссис Харрис, знать, что в мире ничто не отменит доброту, человеческое тепло, магию красоты и право мечтать!

УДК 82-3
ББК 84

MRS HARRIS GOES TO PARIS: © Mathemata Anstalt, 1958
MRS HARRIS GOES TO NEW YORK: © Mathemata Anstalt, 1960
© Павел Вязников, «Миссис Харрис едет в Париж», пер. на русский язык, 1994
© Павел Вязников, «Миссис Харрис едет в Нью-Йорк», пер. на русский язык, 1999
© Александра Борисенко, предисловие, 2024
© Livebook Publishing LTD, оформление, 2024

ISBN 978-5-907784-03-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие: Миссис Харрис в России
Александра Борисенко

7

МИССИС ХАРРИС ЕДЕТ В ПАРИЖ

11

МИССИС ХАРРИС ЕДЕТ В НЬЮ-ЙОРК

183

ПРЕДИСЛОВИЕ

МИССИС ХАРРИС
В РОССИИ

Пол Гэллик (1897–1976) завоевал мировую славу в сороковые годы, после того как выпустил в свет повесть «Белая гусыня». Он родился и вырос в Америке, но много жил в Европе, в частности — в Англии и во Франции. Воевал на Первой мировой, был кино-критиком, потом спортивным комментатором, но в конце концов решил посвятить себя писательству и написал более сорока книг. Был четырежды женат. Увлекался рыбалкой и фехтованием. История сохранила примечательный факт: в какой-то счастливый период жизни у него была собака и двадцать три кошки, о детях же биографы лишь туманно сообщают, что их было «несколько».

Джоан Роулинг сказала однажды, что Гэллик — один из любимых писателей ее детства и в «Гарри Поттере» можно найти отголоски его книг.

Однако российский читатель долго не знал этого удивительного сказочника — первые переводы Гэллико стали появляться в периодике в 1980-е годы (в 1983 году в газете «Литературная Россия» впервые вышла на русском языке легендарная повесть «Белая гусыня»; в переводе А. И. Пахотина она называлась «Белый гусь»). Отдельные книги Гэллико стали выходить только в годы перестройки. Зато ему очень повезло с русскими переводчиками — его всегда переводили по любви.

Первая книга Гэллико, которая стала по-настоящему популярной в России, — это «Томасина», сказка о кошке, вышедшая в переводе Натальи Леонидовны Трауберг в 1991 году. Марина Аромштам пишет: «В тот момент российскому обществу неожиданно вернули возможность открытой религиозной жизни, и “Томасина” в переводе Натальи Трауберг воспринималась в интеллигентской среде как глубоко христианская книга».

Несколько произведений Гэллико, включая легендарную «Белую гусыню», перевел блестящий режиссер Олег Вениаминович Дорман.

Повезло с переводами и бесстрашной лондонской уборщице миссис Харрис, героине целых четырех новелл. Самая популярная из них первая — «Цветы для миссис Харрис» (1958 год, американское название — «Миссис Харрис едет в Париж»). Она неоднократно была экранизирована, последний раз в 2022 году; кроме того, по ней поставили мюзикл.

Книга, которую вы держите в руках, включает две повести. В одной Ада Харрис отправляется в Париж, а в другой — в Нью-Йорк; оба раза она на наших глазах пускается в отчаянные и, казалось бы, безнадежные авантюры, но выходит из них победительницей.

На русский язык обе повести перевел Павел Александрович Вязников. Впервые в России история о том, как миссис Харрис едет в Париж, была опубликована в журнале «Смена» в 1994 году. В том же году переводчик получил за эту работу премию журнала. В 1999 году Вязников перевел и вторую часть цикла — «Миссис Харрис едет в Нью-Йорк».

Однако повесть «Цветы для миссис Харрис» переводила также и Наталья Леонидовна Трауберг. Вышел этот перевод в 2008 году, но когда он был сделан, сказать трудно: Наталья Леонидовна часто переводила важные для нее книги без надежды на публикацию, иногда они распространялись в самиздате — это были во всех смыслах слова миссионерские переводы, с соответствующей свободой интерпретации оригинала.

Перед издательством «Лайвбук» встал нелегкий выбор. С одной стороны, имя Гэллико для русского читателя прочно связано с Натальей Леонидовной, которая много переводила Гэллико. С другой, издать под одной обложкой переводы Трауберг и Вязникова оказалось невозможно — слишком разный у этих двух переводчиков подход к тексту. Речь миссис Харрис — как и речь

автора — слишком сильно менялась бы от повести к повести. Так что издательство приняло поистине мудрое решение: пусть будет и то и другое.

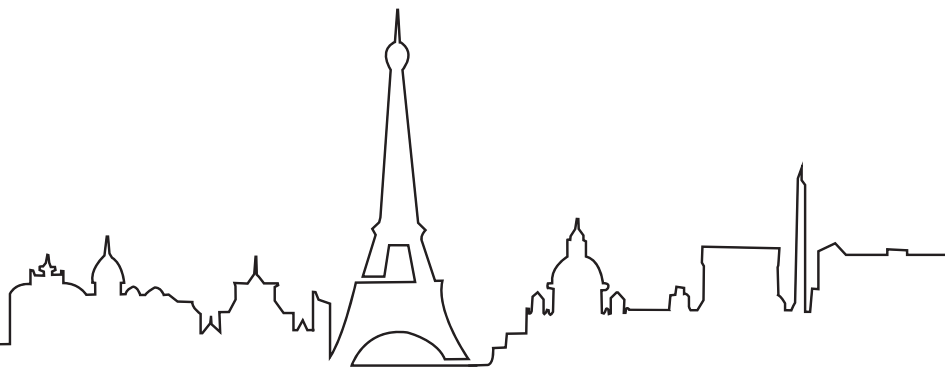
В настоящий сборник, объединивший две повести, вошли переводы Павла Вязникова — полные, без сокращений, точно следующие оригиналу, но при этом живые и изобретательные.

А несколько сокращенный и более вольный перевод Натальи Леонидовны Трауберг с ее характерной интонацией будет издан отдельно — для тех читателей, которые привыкли, что Пол Гэллик говорит ее голосом.

Кажется, и сама миссис Харрис осталась бы довольна таким смелым и необычным решением.

Александра БОРИСЕНКО

МИССИС
ХАРРИС
ЕДЕТ
В ПАРИЖ

*Представительницам
славного племени уборщиц,
которые ежедневно приводят в порядок
Британские острова,
с любовью
посвящается эта книга*

Дом Диор* — это, без сомнения, действительно Дом Диор. Однако все персонажи этой книги с обоих берегов Ла-Манша, столь же несомненно, будучи плодом авторского воображения, в реальности не существуют и не имеют сходства с какими-либо реальными прототипами.

П. Г.

* *Кристиан Диор* (1905–1957) — французский кутюрье, совершивший революцию в женской моде благодаря своему дизайну «нового взгляда». В одежде от Диора, которая впервые была представлена публике в 1947 году, подчеркивались узкая линия плеча и тонкая талия, использовались прилегающий лиф и широкие длинные юбки. Такой стиль пришел на смену стилю с широкими мужскими плечами и «экономными» короткими прямыми юбками времен Второй мировой войны. Вплоть до самой смерти Диор оставался ведущим модельером мира. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Низенькая худая женщина с румяными, как яблочки, щечками, начавшими уже сесть волосами и хитрыми, если не сказать плутоватыми глазками, приникла к иллюминатору «Вайкаунта» Британских европейских авиалиний, следующего рейсом Лондон — Париж. Когда с ревом и гулом самолет оторвался от взлетной полосы аэропорта, ее душа взлетела вместе с ним в волнении и ликовании. Да, она волновалась — но ничуть не боялась, ибо была твердо уверена, что теперь ей ничего не грозит. Она была охвачена благословенным вдохновением тех, кто вышел в полный приключений путь, дабы добыть предмет своей мечты.

Она была одета опрятно и очень себе нравилась в несколько поношенном твидовом пальто и безукоризненно чистых коричневых нитяных

перчатках; кроме того, она прижимала к себе потертую сумочку из коричневой же искусственной кожи. И правильно делала, между прочим, поскольку в сумочке лежали не только десять однофунтовых банкнот (сумма, дозволенная к беспрепятственному вывозу из Соединенного Королевства), но и тысяча четыреста долларов США — свернутые в тугий рулон бумажки по пять, десять и двадцать долларов. Рулон был стянут широкой аптечной резинкой.

Где в полной мере проявилась ее кипучая натура — так это в шляпке. Воистину потрясающая шляпка из зеленой соломки; спереди на ней была укреплена на гибком стебельке огромная нелепая роза, которая все время кивала туда и сюда, как будто повинясь лежащей на штурвале руке пилота — самолет как раз разворачивался и набирал высоту.

Любая лондонская домохозяйка, хоть раз пользовавшаяся услугами уникальной породы «уборщиц по найму» — да что там, любой англичанин! — сразу сказали бы, только глянув на женщину с розой: «Женщина в такой шляпке не может быть никем иным, как лондонской уборщицей!..» — и, что самое главное, они были бы абсолютно правы.

В списке пассажиров она фигурировала как миссис Ада Харрис (как истинная кокни* она, естественно, произносила это как «Аррис») — номер

* *Кокни* — насмешливое прозвище выходцев из лондонских низов, главным образом так называют уроженцев Ист-Энда. Отличаются характерным просторечным произношением.

пять по Уиллис-Гарденз, Баттерси, Лондон, Ю32*, — и была она, действительно, уборщица, вдовая, одинокая, с клиентурой в фешенебельных районах Итон-сквер и Белгравии.

До волшебного мига, в какой «Вайкаунт» поднял ее с поверхности нашей брэнной земли, жизнь ее была полна бесконечной черной работы, все радости которой составляли лишь не слишком частые посещения кино, паба на углу да, совсем уже редко, мюзик-холла.

Мир миссис Харрис, приближавшейся уже к шестому десятку, был весьма запущен и грязен. Не раз и не два — а пять-шесть раз на дню открывала она двери чужих ей домов и квартир доверенными ей ключами, и за этими дверями представляли перед ней горы грязной посуды в раковине, целые акры несвежего и скомканного постельного белья на незастеленных кроватях, разбросанная одежда, мокрые полотенца на полу ванной, невылитая из стакана вода для полоскания, вещи, которые надлежало собрать и сдать в стирку, и, разумеется, полные окурков пепельницы, пыль на столах и зеркалах — словом, вся грязь, какую только могут оставить за собой двуногие поросята, уходя по утрам из дома.

Миссис Харрис убирала эту грязь, потому что такова была ее профессия, которой она зарабатывала на жизнь. Но не только поэтому. Для многих уборщиц, а для миссис Харрис в особенности,

* Обозначение лондонского почтового индекса.

их работа заключает в себе возможность гордиться приведенными в порядок домами почти как своими. Это созидательный труд, в котором действительно можно находить удовлетворение. Она приходила в квартиры, достойные называться разве что свинарниками, — а, уходя, оставляла их убранными, сверкающими и пахнущими чистотой. То, что она в следующий раз вновь заставала эти комнаты в состоянии первозданного хаоса, мало ее беспокоило. Она получала свои три шиллинга в час и вновь превращала свинарник в безупречно чистый дом.

Вот такова была профессия и жизнь невысокой пожилой женщины — одной из трех десятков пассажиров, летящих этим утром в Париж.

Разворачивающаяся под крылом самолета зеленая с коричневым рельефная карта Британии уступила место взъерошенной ветром голубизне Ла-Манша. Миссис Харрис с интересом глядела вниз: игрушечные домики и фермы сменились поджарыми телами танкеров и сухогрузов. Миссис Харрис вдруг ясно осознала, что покидает Англию и вот-вот окажется в чужой стране, среди иностранцев, которые говорят по-иностранному и, насколько она слышала, весьма аморальны, жадны, едят улиток и лягушек и склонны к «преступлениям на почве страсти» и расчлененным трупам в чемоданах. Нет-нет, она не боялась, ибо слову «страх» нет места в словаре английской уборщицы, — она лишь укрепилась в готовности быть настороже и не допускать никаких

безобразий. В Париж ее влекло дело необычайной важности, и она надеялась осуществить свои намерения, общаясь с французами так мало, как только возможно.

Здоровый британский стюард подал ей здоровый британский завтрак — причем не взял за него ни пенни, сообщив, что завтрак она получает бесплатно, с наилучшими пожеланиями от авиакомпании. Это было приятно.

Позавтракав, миссис Харрис вновь прильнула к иллюминатору (разумеется, сумочку она не выпускала из рук ни на миг). Проходя мимо нее, стюард сообщил:

— На некотором расстоянии справа от нас вы можете увидеть Эйфелеву башню.

— Ну-ка... — пробормотала миссис Харрис, всматриваясь вдаль.

В следующий миг она нашла иголку, торчащую из лоскутного одеяла крыш и труб, прошитого голубой лентой реки, по-змеиному протянувшейся через город.

— Чего-то она на картинках куда выше, — заключила она.

Пару минут спустя «Вайкаунт» без малейшего толчка приземлился во французском аэропорту. Настроение миссис Харрис поднялось еще сильнее. Мрачные пророчества ее подруги миссис Баттерфилд: «Эта чертова штуковина или взорвется в воздухе, или свалится в море и утонет с тобой вместе» не сбылись. Может, и Париж окажется не таким уж плохим местом. Тем не менее миссис

Харрис решила впредь быть как можно более осторожной — и это решение только укрепилось после долгой поездки на автобусе из Ле-Бурже по чужим улицам с чужими домами и магазинами, предлагавшими чужие товары на бессмысленном и невнятном чужом языке.

Сотрудник Британских европейских авиалиний, чьей обязанностью было помогать пассажирам, теряющимся в суете аэровокзала Инвалидов в Париже, бросил один единственный взгляд на шляпку, на сумочку, на слишком большие туфли и, разумеется, на неподражаемые дерзкие (а говоря прямо, так и нахальные) глазки, и, конечно, сразу же поставил верный диагноз. «Боже всемогущий, — пробормотал он про себя, — лондонская уборщица! Что, ради всего святого, она делает в Париже? Неужели у них здесь настолько плохо обстоят дела с уборкой квартир?!»

Он заметил ее неуверенность, быстро заглянул в список пассажиров — и снова угадал. Подойдя к приезжей, сотрудник БЕА притронулся к козырьку и произнес:

— Разрешите помочь вам, миссис Харрис?

Умные жуликоватые глазки изучающе обежали его в поисках признаков морального разложения или иных заграничных штучек-дрючек. К некоторому разочарованию миссис Харрис, незнакомец был точь-в-точь похож на обычного англичанина. Поскольку же он был вежлив и на вид вполне безвреден, она осторожно ответила:

— О... да они тут, значит, могут все-таки говорить по-английски!..

— Ну... как же иначе, мадам. Я ведь и есть англичанин, — ответил сотрудник БЕА. — Однако большинство людей здесь знает английский хоть немного, так что вы не пропадете. Вижу, вы намерены вернуться в Лондон вечерним одиннадцатичасовым рейсом; куда вы хотели бы направиться сейчас?

Миссис Харрис поколебалась мгновение, не будучи уверенной в том, насколько она может быть откровенна с незнакомцем, и твердо ответила:

— Я только хочу взять такси — если вы не против, конечно. У меня есть десять фунтов.

— Прекрасно, — кивнул человек БЕА, — но вам лучше обменять часть ваших денег на французскую валюту. Один фунт приблизительно равен тысяче франков.

В окошечке обменного пункта несколько солидных зеленых фунтовых банкнот превратились в тонкие, непрочные, мятые, потертые и грязные, даже надорванные синие бумажки с цифрами «1000» и горсточку каких-то скользких, точно засаленных, алюминиевых монет самого несерьезного вида, номиналом в сто франков.

Вид этих, с позволения сказать, денег привел миссис Харрис в справедливое негодование.

— Это, по-вашему, деньги? Монеты-то, глянь-те, один в один как фальшивые!

Человек БЕА улыбнулся.

— В каком-то смысле они действительно не вполне настоящие, но выпускать их может только правительство, и французы еще не сообразили, что к чему. Так что эти деньги пока сходят за настоящие, — он провел ее сквозь толпу, помог подняться по пандусу и усадил в такси.

— Итак, куда вам ехать? Я переведу ему.

Миссис Харрис уселась, гордо выпрямив худую от долгой и нелегкой работы спину: розовый цветок на шляпке указывал строго на север, на лице — спокойствие, достойное герцогини; только бегающие глазки выдают волнение.

— Скажите ему везти в магазин одежды Кристиана Диора, — велела она.

Сотрудник авиакомпании уставился на нее, не в силах поверить своим ушам.

— Прошу прощения, мадам?..

— Вы же слышали — одежный магазин Диора!

Да, представитель БЕА ее прекрасно слышал, однако его мозг, привыкший справляться с любыми осложнениями и диковинными проблемами, никак не мог уловить связь между лондонской уборщицей — бойцом огромной армии, каждое утро выходящей на сражение за чистоту, вымывающей грязь большого города из каждого дома и каждой конторы, — и самым изысканным, самым дорогим центром моды в мире. Поэтому он все еще медлил.

— Ну ладно, давайте-ка, переводите, — нетерпеливо скомандовала миссис Харрис. — Что тут

такого? Или леди уже и не может поехать в Париж за платьем, а?

Потрясенный до глубины души сотрудник БЕА по-французски обратился к шоферу:

— Отвезете мадам в Дом Кристиана Диора на авеню Монтень. И предупреждаю — обсчитайте ее хоть на су, и больше вам в такси не работать — я прослежу за этим лично.

Когда такси с миссис Харрис на заднем сиденье отъехало от аэровокзала, сотрудник БЕА, качивая головой, отправился на свое место в зоне прибытия. Он чувствовал, что теперь он действительно видел на свете все.

А миссис Харрис с колотящимся от радостного волнения сердцем катила в такси по улицам Парижа и, мысленно возвращаясь в Лондон, думала о том, сумеет ли миссис Баттерфилд справиться со всеми клиентами.

Дело в том, что клиентура миссис Харрис, будучи подвержена время от времени изменениям безо всякого предупреждения (то есть она могла неожиданно отказаться от одного из своих клиентов — и никогда наоборот), тем не менее оставалась вполне стабильной. Некоторым клиентам она посвящала несколько часов ежедневно, другие заслуживали ее забот лишь три раза в неделю. Она работала по десять часов в день — с восьми утра до шести вечера, ежедневно, кроме воскресенья, когда лишь самые избранные клиенты удостоивались ее внимания и когда она трудилась лишь полдня. И такого расписания миссис Харрис

придерживалась пятьдесят две недели в году. Поскольку в сутках никогда не бывает больше двадцати четырех часов, миссис Харрис брала не более шести-восьми клиентов и притом ограничивала их географию фешенебельным районом Итон — Белгрейв-сквер; таким образом, раз приехав сюда утром, миссис Харрис могла просто переходить от подъезда к подъезду.

Среди ее клиентов был, например, майор Уоллес — холостяк, чей моральный облик был подорван, естественно, при прямом содействии миссис Харрис и к чьим частым и разнообразным любовным делам она проявляла живой интерес.

Нравилась ей и миссис Шрайбер — немного суматошная супруга представителя Голливуда, живущего в Лондоне, — нравилась американской теплотой и широтой натуры, проявлявшимися самыми разнообразными способами, в первую очередь интересом и заботой, которые миссис Шрайбер проявляла к самой миссис Харрис. Убиралась миссис Харрис и у элегантной леди Дант, жены богатого «промышленного барона», кроме лондонской квартиры владевшей загородным замком. В «Квин» и «Татлере» постоянно печатались снимки леди Дант на охотничьих и благотворительных балах. Этой клиенткой миссис Харрис гордилась.

Были и другие: белорусская графиня Вышинская — миссис Харрис любила ее, поскольку графиня была неподражаемо безумна; молодая супружеская пара; младший отпрыск знатной фамилии — миссис Харрис нравилась его квартира,

полная красивых вещиц; разведенная миссис Ффорд Фулкс — неисчерпаемый кладезь сплетен и слухов о богатых бездельниках и высшем свете вообще; ну и несколько прочих, в том числе мисс Памела Пенроуз, молодая актриса, ведущая борьбу за свое признание с плацдарма двухкомнатной квартирки в старом доме.

И за всеми этими домами миссис Харрис ухаживала в одиночку, хотя в чрезвычайных обстоятельствах она могла положиться на помощь своей подруги и своего alter ego, миссис Вайолет Баттерфилд — тоже вдовы и тоже уборщицы. Правда, миссис Баттерфилд была склонна к довольно пессимистическому взгляду на жизнь и мрачным предсказаниям.

Миссис Баттерфилд, в противоположность маленькой, худой миссис Харрис, была высокой и довольно полной. Разумеется, у нее были свои клиенты — хотя, что было весьма удобно, в том же районе. Но подруги при необходимости нередко помогали друг другу.

Если одна из них заболела, или какая-то иная причина не позволяла ей выполнять свои обязанности, второй всегда удавалось выкроить немножко времени и прибраться у клиентов подруги — по крайней мере, в достаточной степени, чтобы те не возмущались. Случалось, например, миссис Харрис слечь в постель с каким-нибудь недугом (а случалось это редко) — тогда она обзванивала клиентов, извещала их о такой катастрофе и утешала: «Ну да не волнуйтесь. Подружка моя,

миссис Баттерфилд, она к вам заглянет, приберется; а завтра я выйду». Точно так же миссис Харрис выручала миссис Баттерфилд. Обе достойные дамы по характеру различались, как день и ночь, но оставались при этом надежными, верными и внимательными подругами, и полагали взаимную помощь в работе необходимой дружеской обязанностью. Дружба есть дружба — и этим все сказано. Полуподвальная квартирка миссис Харрис носила номер пять по Уиллис-Гарденз, миссис Баттерфилд жила в номере семь — и редкий день они не ходили друг к другу в гости — поговорить, обменяться новостями и свежими сплетнями.

...Такси переехало через широкую реку — ту самую, которую миссис-Харрис видела из окна самолета, только теперь река казалась не голубой, а серой. На мосту шофер вступил в бурный диспут с коллегой — оба водителя кричали и ругались. Миссис Харрис по-французски не понимала, но интонации были достаточно красноречивы, и она довольно улыбнулась. Ее мысли сами собой обратились к мисс Памеле Пенроуз и к скандалу, учиненному последней по случаю намерения миссис Харрис взять выходной. Миссис Харрис даже особо обратила внимание миссис Баттерфилд на необходимость зайти к этой честолюбивой будущей звезде.

Может показаться странным, что миссис Харрис, при всей ее проницательности и умении судить о людях, любила мисс Пенроуз больше всех остальных своих клиентов. Девушка (чье

настоящее имя, как узнала миссис Харрис из, конечно же, случайно попавшихся ей на глаза писем, было Энид Снайт) жила в маленькой квартирке, которая могла бы служить эталоном беспорядка.

Была Памела-Энид маленькой блондинкой с недурными формами, поджатыми губками и странно-малоподвижными глазами — казалось, эти глаза сосредоточены постоянно на одном предмете, и предмет этот — сама Памела. Фигурка, как сказано выше, у нее была отличная, и были еще у нее очаровательные ловкие ножки, никогда не оступавшиеся на трупах, по которым сия особа карабкалась к славе. На свете не было ничего, чего она не сделала бы ради своей карьеры — то есть того, что она карьерой называла: к настоящему времени она карьера включала год или два в хоре и несколько эпизодических ролей в кино и на телевидении. И была мисс Снайт подленькой, вздорной, эгоистичной и безжалостной, а манеры ее иначе как отвратительными назвать было нельзя.

Но миссис Харрис относилась к мисс Снайт хорошо, ибо прекрасно понимала жгучее, безумное, голодное желание девушки быть кем-то, чем-то, вырваться из повседневной борьбы за существование и подняться над ней, урвать для себя от жизни что-то хорошее.

До того, как саму миссис Харрис охватило желание, которое привело ее в Париж, ей не приходилось испытывать ничего подобного стремлениям Энид Снайт — но понимала она девушку очень

хорошо. Правда, жизнь миссис Харрис была подчинена борьбе не за видное место в жизни, а за обыкновенное выживание, но борьбу вели обе и были этим похожи. Ведь и миссис Харрис пришлось самой заботиться о себе, когда, лет двадцать назад, ее муж скончался, оставив ее без гроша, а пенсии вдовы ей никак не хватало.

А кроме того, мисс Снайт — или мисс Пенроуз, как все же предпочитала называть ее миссис Харрис, — окружало обаяние сцены, и против этого обаяния Ада Харрис устоять не могла.

Дело в том, что титулы, богатство, важные должности и положение в обществе не производили на миссис Харрис никакого впечатления — но очарование всего, что было связано со сценой, телевидением и кино, имело над нею огромную власть.

И она, конечно же, никак не могла знать, насколько тонки ниточки, связывающие мисс Пенроуз с миром муз, и что та была не только скверной девчонкой, но весьма и весьма посредственной актрисой. Миссис Харрис было достаточно того, что голос Памелы время от времени звучал по радио, а иногда она даже проходила через телеэкран в переднике и с подносом в руках. Миссис Харрис с уважением относилась к битве, которую вела маленькая блондинка, терпела ее выходки, каких не потерпела бы ни от кого другого, и даже всячески ее ублажала...

— Далеко еще? — прокричала миссис Харрис.

Шофер, не сбавляя скорости, снял обе руки с руля, замахал ими, обернулся к пассажирке и закричал в ответ что-то по-французски. Миссис Харрис, разумеется, ничего не поняла, но улыбка под моржовыми усами была достаточно дружелюбной и успокаивающей, так что она откинулась на мягкое сиденье и принялась терпеливо ждать прибытия к месту, куда давно стремилось ее сердце. И пока машина ехала, миссис Харрис вспоминала цепь странных событий, которая привела ее сюда.

